

Глава 11

Пока госпожа Тянь распиналась за забором, курица в котле семьи Ли уже дошла до нужной готовности.

Гу Чжао всё утро провел за книгами и, почуяв дразнящий аромат, изрядно проголодался. Юноша потянулся, отложил свитки и вышел на кухню. Едва переступив порог главной комнаты, он услышал доносящуюся из-за невысокой глиняной ограды брань.

— Муж, всё почти готово, — Ли Чжоучжоу помешивал в котле дымящееся жаркое.

Приподняв деревянную крышку соседнего котла, он выпустил облако ароматного пара — каша из смеси злаков тоже удалась на славу. Сегодня, раз уж на обед была тушеная курица, хозяин Ли не поскупился и добавил в кашу побольше белого риса.

— Как же пахнет... — выдохнул Гу Чжао.

Зная, как легко смутить супруга, он не стал распускать руки, а лишь нежно, по-детски капризно пробормотал:

— Рядом с тобой, Чжоучжоу, я готов всю жизнь «есть мягкий рис». Хочу есть его вечно.

Ли Чжоучжоу обожал, когда этот изнеженный красавец начинал вот так ластиться к нему. Он невольно улыбнулся:

— Тебе нравится рис помягче? Хорошо, в следующий раз добавлю побольше воды.

— ... — Гу Чжао на мгновение лишился дара речи.

Он понял, что «мягкий рис» Чжоучжоу воспринял буквально, а не как намек на жизнь за счет супруга. Объяснять истинный смысл было слишком долго, да и ни к чему. Убедившись, что на кухне они одни, юноша быстро коснулся тыльной стороны ладони мужа и невинно, с лукавым огоньком в глазах, добавил:

— Я имел в виду, что хочу «отведать твоего тофу».

В этот раз Чжоучжоу всё понял правильно.

Он украдкой выглянул за дверь: отца поблизости не было. Превозмогая жгучую робость, он на мгновение накрыл ладонь Гу Чжао своей. Кожа сянгунана была такой нежной и светлой...

«Вот уж кто настоящий "мягкий рис" в нашем доме, — подумалось ему. — К тому же муж младше меня»

Тепло, исходившее от этой молодой пары, казалось жарче пара, поднимавшегося над котлами. Идиллию нарушил громкий плач Нью-даня. Мальчишка требовал мяса, и хоть голос из-за стены теперь звучал тише, каждое слово было отчетливо слышно. Соседка явно подстрекала сына идти побираться.

Ли Чжоучжоу замер с черпаком в руке. Улыбка сошла с его лица, он сердито нахмурился. За то время, что они были женаты, он ни разу не показывал мужу своего недовольства — на всё соглашался, со всем был мил. Гу Чжао завороченно наблюдал за этой переменной; даже в гневе супруг казался ему очаровательным.

— Муж, а ты еще и смеешься надо мной, — смутился Чжоучжоу, заметив его взгляд. — Тетушка Чжан совсем о сыне не думает. Что понимает дитя в четыре года? Привыкнет побираться — и что потом? Неужто он теперь каждый раз, почуяв запах мяса, будет в чужие двери стучаться?

— Наш Чжоучжоу совершенно прав, — согласно кивнул Гу Чжао.

Ему немного отлегло от сердца: значит, муж над ним не насмехается.

— Хорошо хоть, я ворота запер.

— А если он начнет ломиться? — прищурился сянгун. — Будет рыдать под дверью, звать... Как ты тогда поступишь? Откроешь или нет?

Юноша замялся. В деревне было принято запирали двери, когда готовишь мясо, но чтобы кто-то, учуяв запах, нарочно ломился в закрытый дом — такого бесстыдства он еще не встречал. С другой стороны, Нью-дань совсем малыш, не слушать же часами его надрывный плач...

— Эх ты, — вздохнул Гу Чжао, понимая, какое у его супруга мягкое сердце.

Против такой мегеры, как госпожа Тянь, Чжоучжоу еще мог выстоять, но перед ребенком пасовал.

— Давай я сам его спроважу. Дай мне кусок мяса, лучше на косточке.

— Хорошо, — Ли Чжоучжоу хоть и не хотелось поощрять наглость соседки, но мужу он перечить не стал. Выудил из котла аппетитный кусок курицы на кости. — Сянгун, не бери руками, обожжешься.

Он положил кусок в чашу и протянул Гу Чжао. Тот невольно вспомнил вчерашнюю воду для ног и послушно принял посуду.

Гу Чжао вышел во двор. Стоило ему отодвинуть засов, как Нью-дань, уже набравший в грудь воздуха для очередного вопля, осекся. Мальчишка, размазывая грязь по лицу, уставился на незнакомого взрослого.

Он, не давая ребенку опомниться, помахал чашей перед его носом:

— Гляди, что у меня есть.

— Мясо... Мясо! Курица! — глаза Нью-даня заблестели от предвкушения.

Гу Чжао, подобно искусному сказочнику, присел перед ним, не переставая улыбаться:

— Верно, это курица. А знаешь, откуда она берется?

Мальчишка шумно втянул слюну, не сводя глаз с чаши:

— От курицы.

— Верно. Наш Чжоучжоу всё утро выбирал в курятнике самую жирную. Он сильный, выбрал самую большую. Пока курица жива, её не съешь. Чтобы было мясо, она должна сначала умереть. У вас дома есть куры?

Нью-дань, завороженный ароматом, часто закивал:

— Есть, много-много!

— Вот и славно. Гляди, какая она нежная, мы её всё утро с капустой и тофу тушили. Чуешь, как пахнет?

Мальчик потянулся носом к чаше, и слюна у него потекла уже неприкрыто. Гу Чжао не стал больше мучить ребенка и протянул ему мясо. Нью-дань тут же впился зубами в курицу.

— Если захочешь еще, попроси маму приготовить, — ласково проговорил юноша.

— Мама не дает... — прошамкал малец с полным ртом.

— Да чего тебе бояться? Гляди, ты пришел за мясом, разве мама тебя ударила или обругала? Дети не должны бояться. Мама тебя любит, не прогонит же она тебя из-за того, что ты съел кусочек курицы. Ладно, ешь не спеша.

Гу Чжао поднялся и картинно вздохнул, с грустью глядя в небо:

— Эх... У нас только одна курица умерла. Съем её — и больше не будет. Теперь, если захочу мяса, придется ждать, когда еще какая-нибудь курица сдохнет. Только тогда и поем.

Четырехлетнему Нью-даню было недосуг разбираться в логике: то курицу зарезали, то она сама сдохла...

В его голове билась только одна мысль:

«Вкусно!»

Он вприпрыжку побежал к матери, на ходу обгладывая кость — добыча была в его руках.

Гу Чжао вернулся в дом и снова запер ворота.

На кухне Ли Чжоучжоу уже раскладывал дымящееся жаркое по чашам. Увидев мужа, он позвал его к столу, но в глубине души всё еще недоумевал: чего тот так долго возился с одной косточкой? Гу Чжао, заметив его замешательство, вкратце пересказал разговор.

— ...Я просто к слову пришлось, вряд ли из-за этого курица погибнет, — сянгун напустил на себя виноватый вид.

Чжоучжоу тут же бросился его утешать:

— Да что ты, муж! Это просто кусок мяса, отдали и забыли. Не бери в голову. Нью-дань такой маленький, как он может курицу порешить? Он и нож-то не поднимет. Давай лучше есть, забудем о них.

Обед в семье Ли проходил в тишине и довольстве. Каша на дровах вышла ароматной, с приятной сладостью белого риса. Жаркое подали в большой бадье, где тушилась половина курицы. Чжоучжоу добавил туда сушеных лесных грибов, которые сам собирал и сушил осенью, и свежего тофу от дяди Вана.

Дядя Ван — тоже г'эр — был мастером своего дела. В свободное от полевых работ время он каждый день готовил по одной доске тофу. Большой брусок стоил всего три вэня, и за ним порой прибегали даже из Дунпина. Стоило чуть опоздать — и всё раскупали. Ли Чжоучжоу успел заглянуть к нему утром после стирки.

Грибы, курица, тофу и нежная капуста томились на медленном огне, пока не пропитались соками друг друга. Тофу впитал в себя наваристый мясной бульон, а грибы придали блюду лесную свежесть. Положив по доброй ложке этого великолепия поверх каши, юноша подал чаши к столу.

— Чжоучжоу, ешь мясо, — Гу Чжао первым делом положил супругу лучший кусочек, а следом добавил тофу: — Попробуй этот кусок, он самый сочный.

Сам Ли Чжоучжоу же резал курицу только для того, чтобы подкрепить силы мужа, сам он вполне мог обойтись капустой. Птицы было не так много, пусть лучше муж и отец наедятся.

— Ты ешь, муж, а я капусту с тофу больше люблю.

Гу Чжао, сидевший с ним на одной скамье, вдруг, не обращая внимания на присутствие тестя, прильнул к плечу супруга:

— Давай вместе, так вкуснее будет. Ну же, попробуй.

Ли Да громко закашлялся, едва не поперхнувшись. Ему еще никогда не доводилось видеть, чтобы мужчина вел себя столь непотребно и капризно. Но сказать зятю он ничего не мог — не запрещать же ему, в самом деле, ластиться к собственному супругу?

Ли Чжоучжоу готов был сгореть со стыда под взглядом отца, но и против нежности Гу Чжао устоять не мог.

— Хорошо, хорошо, съем. А ты ешь спокойно, — прошептал он.

Гу Чжао, добившись своего, принялся за еду с удвоенным аппетитом.

Пока в доме Ли царили мир и гармония, в доме Чжан назревала буря.

Кусок курицы был невелик. Нью-дань обглодал мясо дочиста, но косточку выбрасывать не желал — катал её во рту, высасывая последние капли вкуса. Когда и вкус пропал, он просто сжимал её в кулаке, не в силах расстаться с сокровищем.

Участок семьи Чжан, как и у Ванов, был без ограды: три глиняных комнаты да пристройка-кухня. Семья была небольшой: старик-отец, муж госпожи Тянь — Чжан Чжуцзы, и двое сыновей. Старшему, Да-ню, исполнилось шестнадцать; он был крепким парнем, первым помощником в поле. Земли у них хватало, и по логике вещей мясо на их столе должно было появляться не так уж редко.

Но была одна беда: родная семья госпожи Тянь была беспросветно бедна.

Тянь-ши — так её звали в девичестве — была родом из деревни Датянь, что лежала еще дальше Шили. В семье она была третьей из пяти детей. Двое старших сестер уже вышли замуж, а следом шли двое братьев. Старший из них родился хромым и слабым, в то время как Тянь-ши росла крепкой и здоровой девкой.

В деревне поговаривали, будто женщина еще в утробе объедала брата, а потом и вовсе «запинала» его, отчего тот и родился калекой. Тянь-ши и сама в это верила, а потому с детства старалась отдавать братьям всё самое лучшее.

Когда сестры ушли в чужие семьи, она еще несколько лет тащила на себе младших. Годы шли, и она понимала: промедлит еще немного — и достанется ей в мужья либо вдовец, либо последний лоботряс. К счастью, она была миловидна, и сваха сосватала её за Чжан Чжуцзы из Сипина.

Семья Чжан жила бедно: мать Чжуцзы умерла за пару лет до того, и он остался вдвоем с отцом. Тянь-ши, узнав об этом, согласилась не раздумывая — отсутствие свекрови означало, что она сама станет полновластной хозяйкой в доме. Так оно и вышло. Отец Чжуцзы был человеком тихим, целыми днями пропадал в поле, а дома только ел да спал. Против невестки он и слова

пикнуть не смел — супруга была остра на язык и криклива, переспорить её было невозможно.

Особенно она утвердилась в своих правах после рождения первенца. С тех пор она не стеснялась помогала семье брата: то денег подкинет, то мяса или сладостей принесет.

У её брата подрастал второй сын, родившийся раньше срока — слабый, болезненный, к работе в поле совершенно непригодный. Тянь-ши всё думала, как пристроить племянника, и когда Ли Чжоучжоу объявил, что ищет мужа-зятка, она сразу нацелилась на дом Ли.

Но Ли Чжоучжоу ей отказал. Этого Тянь-ши простить не могла. Она сама могла ругать племянника на чем свет стоит, но для чужаков он должен был оставаться лучшим из лучших.

— Мама, хочу еще мяса! — Нью-дань дергал её за юбку, сжимая в руке обглоданную кость.

Тётушка Чжан в сердцах оттолкнула его:

— Прочь! Знала я, что от этого Ли Чжоучжоу добра не жди. Был бы щедр — дал бы целую чашу! А так... кинул кусок, только чтобы надо мной посмеяться! Тьфу!

— Мама, мяса! Нью-дань хочет еще!

— Хочешь? Ступай и у Чжоучжоу спроси! — рявкнула она, но увидев, что сын и вправду вознамерился бежать к соседям, пришла в ярость. Схватила его за ухо и принялась крутить: — Совсем из ума выжил, обжора? Я и так из-за тебя позору натерпелась, а ты всё туда же! Весь стыд растерял!

Нью-дань завыл от боли.

В этот момент в дом вошел Чжан Чжуцзы. Услышав плач сына и брань жены, он робко заметил:

— Мы давно мяса не ели. Коли Нью-дань так просит, может, купим немного?

— Ага, разбежался! Будем мы по первому его писку мясо резать! — отрезала Тянь-ши.

— Да не каждый же день... Купим малый кусок для запаха. В страду наработались, хоть жира немного поедим.

Женщина вскипела, уперла руки в бока и закричала на весь дом:

— Чжан Чжуцзы! Ты что, богаче всех стал? На какие шиши я тебе мясо покупать буду? «Малый кусок» ему! Был бы ты поудачливей, мы бы каждый день мясо ели. Ты посмотри на Да-ню, ему шестнадцать! Думаешь, на свадьбу деньги из воздуха возьмутся? Или дом сам собой построится?

Стоило только заикнуться о лакомстве или лишнем куске, как начиналась эта старая песня. Чжуцзы, привыкший к таким окрикам, только вздохнул:

— Ладно, не надо... Не будем есть мясо.

— Как это — не будем?! — Нью-дань, только затихший при надежде на отца, снова повалился на пол, суча ногами.

Госпожа Тянь, вне себя от ярости, схватила веник:

— Вставай сейчас же! Не встанешь — прибью!

— Мяса! Курицы хочу! — ревел малец.

Началась порка. Плач ребенка и крики матери стояли такие, что старый отец Чжуцзы не выдержал — всё-таки это был его единственный внук. Он попытался урезонить невестку, прижал Нью-даня к себе и принялся утешать, мол, не надо плакать, проживем и без мяса.

Мальчик, хныча, уткнулся в плечо деда, но всё равно сквозь слезы бормотал заветное слово. Чжуцзы и его отец сочувствовали ребенку, но перечить Тянь-ши не смели. Казалось, на этом всё и закончится, тем более что деревенские кумушки уже нашли себе новую тему для сплетен.

— Ишь, сначала сама послала сына побираться, а как ребенок добавки захотел — за веник схватилась.

— Бедное дитя... Кричал так, что у меня в доме слышно было. Сама ни крохи не даст, всё только в родительский дом тащит, — осуждали они соседку.

Женщины переглядывались, многозначительно подмигивая друг другу. Все знали, куда уходят деньги семьи Чжан: Тянь-ши при каждом удобном случае тащила в родительский дом мясо и сладости, обирая собственных детей ради братьев.

— Слава богам, Чжоучжоу выбрал Учёного Гу.

— И не говори. С такой невесткой, как Тянь-ши, он бы по миру пошел, она бы всё до последнего гвоздя братьям вынесла.

— Да-ню уже семнадцать скоро, а невесты и в помине нет. Всё она только обещает присмотреть, а сама, видать, только о племянниках и печется.

Вслух об этом говорили редко — никто не хотел связываться с крикливой бабой, но правду знали все. Никто не верил, что Чжуцзы когда-нибудь сможет забрать у жены власть над кошельком.

Пока в доме Чжан кипели страсти, солнце начало клониться к закату. Кумушки разошлись по домам — пора было готовить ужин. Вскоре над деревней потянулись струйки дыма: кто-то жарил лепешки, кто-то варил кашу с бататом. Тетушка Ван снова уловила аромат из кухни Ли — на этот раз пахло чем-то иным, не мясом.

На ужин Ли Чжоучжоу готовил костный бульон с редькой и лепешки из просяной муки.

Купленные кости были обглоданы дочиста — мясник знал свое дело, потому и стоили они гроши: всего один вэнь за две большие кости. Чжоучжоу тщательно промыл их и раздробил обухом ножа, чтобы выварить весь сок.

На такой суп уходило много дров, а навару выходило немного — одной водой сыт не будешь, потому в деревне такие бульоны не жаловали. Но муж очень хотел этого супа; он сказал, что это дешево и полезно для костей — помогает расти...

Чжоучжоу запомнил эти слова. Ради здоровья мужа он был готов хоть каждый день в горы за дровами бегать. Заложив кости в холодную воду с ломтиком имбиря, он дождался закипания, снял пену и оставил томиться на малом огне. К вечеру бульон стал молочно-белым. Тогда он добавил нарезанную крупными кусками редьку и несколько сушеных фиников.

Муж говорил, что финики полезны для крови. Ли Чжоучжоу вспомнил, как Гу Чжао, забираясь на канг, сразу прижимается к нему в поисках тепла — видать, и впрямь нужно кровь разгонять. На передней конфорке, смазав сковороду смальцем, он принялся жарить лепешки.

В кухне семьи Чжан госпожа Тянь бросила в котел горсть невымытых злаков. Плеснула воды, выловила из бочки с соленьями пол-редьки и наспех покрошила её туда же. Разогрела вчерашние лепешки — вот и весь ужин на пятерых. Такая каша варилась быстро — зерен в ней было наперечет, зато дров и времени экономилось вдоволь.

Когда всё было готово, хозяйка крикнула на весь дом:

— Живо за стол! Мне что, каждого лично приглашать?!

Дед, отец и сын потянулись на кухню. Тянь-ши окинула взглядом комнату: Нью-даня не было.

— Где мелкий? — спросила она старшего сына.

— Не знаю, — буркнул Да-ню, жадно припав к чаше с жидким варевом.

— Ишь, ест как не в себя, — ворчала Тянь-ши. — Один обжора, другой невесть где шляется... Всё на моих плечах...

Она еще долго причитала, выкрикивая имя младшего сына, но ответа не последовало. Решив, что малец убежал далеко, она собралась было идти искать его, как вдруг услышала на заднем дворе отчаянный куриный писк.

Тянь-ши мгновенно переменялась в лице и бросилась на звук. Плевать на Нью-даня, куры были куда ценнее! Выбежав на задний двор, она при свете заходящего солнца увидела младшего сына. Нью-дань сидел прямо в курятнике, мертвой хваткой вцепившись в маленького цыпленка...

В её любимого, драгоценного цыпленка!

— Ах ты, маленькое отродье! — взревела она.

<http://bllate.org/book/15349/1416493>